СПЕЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ НОМЕР

№ 20

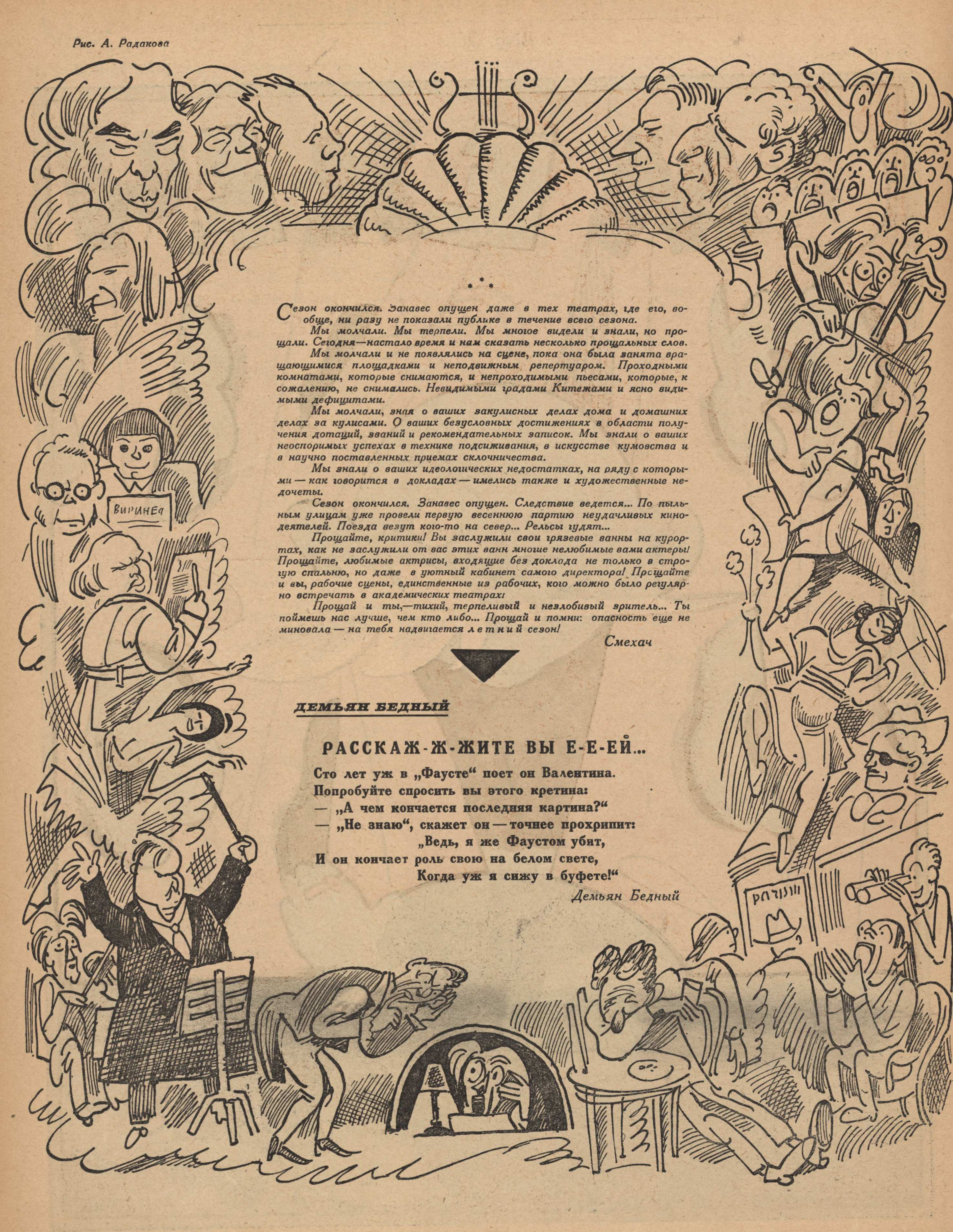
МАЙ 1928 г. ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

Рис. Л. Бродаты

СМЕХАЧ: — Итак, почтеннейшая публика, сейчас мы вам покажем театральный номер... Даю занавес!
НЭПМАН: — Беру, беру!.. Почем метр?

Рис. А. Радакова

* * *

Сезон окончился. Занавес опущен даже в тех театрах, где его, вообще, ни разу не показали публике в течение всего сезона.

Мы молчали. Мы терпели. Мы многое видели и знали, но прощали. Сегодня—настало время и нам сказать несколько прощальных слов.

Мы молчали и не появлялись на сцене, пока она была занята вращающимися площадками и неподвижным репертуаром. Проходными комнатами, которые снимаются, и непроходимыми пьесами, которые, к сожалению, не снимались. Невидимыми градами Китежами и ясно видимыми дефицитами.

Мы молчали, зная о ваших закулисных делах дома и домашних делах за кулисами. О ваших безусловных достижениях в области получения дотаций, званий и рекомендательных записок. Мы знали о ваших неоспоримых успехах в технике подсиживания, в искусстве кумовства и в научно поставленных приемах склочничества.

Мы знали о ваших идеологических недостатках, на ряду с которыми — как говорится в докладах — имелись также и художественные недочеты.

Сезон окончился. Занавес опущен. Следствие ведется... По пыльным улицам уже провели первую весеннюю партию неудачливых кинодеятелей. Поезда везут кого-то на север... Рельсы гудят...

Прощайте, критики! Вы заслужили свои грязевые ванны на курортах, как не заслужили от вас этих ванн многие нелюбимые вами актеры! Прощайте, любимые актрисы, входящие без доклада не только в строгую спальню, но даже в уютный кабинет самого директора! Прощайте и вы, рабочие сцены, единственные из рабочих, кого можно было регулярно встречать в академических театрах!

Прощай и ты,—тихий, терпеливый и незлобивый зритель... Ты поймешь нас лучше, чем кто либо... Прощай и помни: опасность еще не миновала — на тебя надвигается л е т н и й сезон!

Смехач

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

РАССКАЖ-Ж-ЖИТЕ ВЫ Е-Е-ЕЙ...

Сто лет уж в „Фаусте" поет он Валентина.
Попробуйте спросить вы этого кретина:
— „А чем кончается последняя картина?"
— „Не знаю", скажет он — точнее прохрипит:
„Ведь, я же Фаустом убит,
И он кончает роль свою на белом свете,
Когда уж я сижу в буфете!"

Демьян Бедный

МИЛЫЕ МУЖЧИНЫ

В Ростов приехала прорицательница Жанна Дюкло. Москвичи знают ее по выступлениям в Мюзик-Холле; она угадывала мысли на расстоянии и отвечала на любой невысказанный вслух вопрос о будущем человека.

Секрет этого искусства чрезвычайно прост: как известно, партнер сей ясновидящей дамы, находясь в публике и шопотом осведомляясь в партере у эксцентричных посетителей кабаре, о чем именно они хотели бы узнать и спросить у прекрасной Жанны, громко говорит затем, эффектно чеканя слова:

— Готово! Внимание! Вопрос задан! Угадывайте! Жанна! Ну!

Определенной расстановкой этих слов и заглавных букв и восклицаний он передает артистке общий смысл, а иногда и совершенно точно сформулированное содержание вопроса.

Конечно, нужно большое напряжение воли, памяти и соображения, нужен, пожалуй, своеобразный талант даже, чтобы, не теряясь ни на секунду, на-лету подхватывая его шифрованные восклицания и запоминая безошибочно расстановку букв и знаков и пауз в его фразе,—с милой и рассеянной улыбкой на устах без заминки вести эту напряженную мозговую игру.

Мгновенье, в которое нужно уяснить себе вопрос и продумать и дать на него подходящий и остроумный ответ, измеряется секундами. Можно согласиться, что в этой горькой профессии есть элементы подлинного искусства; но времена, когда люди верили рассказам о бабе Яге, путешествовавшей на помеле, безвозвратно отошли уже, как будто, в область седой старины.

Чертовщина и вера в нее умерли, кажется, навсегда. В наш прозаический и строгий век кто же может верить в трефовый интерес на картах бродячей цыганки или в счастье, за пятачок извлекаемое попугаем из шкатулки шарманщика, или в наличие сатанинского хвостика под фалдами престидижитаторскго фрака Кефало? Кто может серьезно относиться к прорицаниям Жанны Дюкло и видеть какой-то настоящий и таинственный смысл в ее веселом и остроумном фокусе?

И вот очаровательная парижанка прибыла в Ростов и анонсировала сеанс в Деловом клубе. В этом клубе собирается цвет местной интеллигенции: инженеры, врачи, юристы, педагоги, хозяйственники, культурные и образованные люди с дипломами в карманах, с университетскими значками в петлицах пиджаков.

Предположить, что со времени, когда мы ездили в рыдванах и читали Апулея, в них сохранилась наивная вера в ясновидение гастролирующей девицы из французского кабаре — казалось, конечно, невозможным. Просто люди шли, очевидно, посмеяться и воочию убедиться в изумительной технике аттракциона, о котором говорила в свое время вся театральная Москва.

И вот они сошлись, эти серьезные, деловые, культурные люди, они расселись в креслах, и сеанс начался. Жанна Дюкло оказалась умной женщиной и, понимая, кто перед ней сидит, сразу же усвоила по отношению к самой себе и своему мастерству легкий, иронический тон.

Она острила и посмеивалась, находчиво парируя шутки и всячески старалась показать, что в основе ее нелегкой работы лежит фокус, трюк, который милые мужчины тут же приглашаются разгадать. И милые мужчины шутили тоже и спрашивали, сбудутся ли их мечты стать королями в Чеджасе или прокатиться в лимузине по улицам подземного города Ассабата в Сахаре?

Все было именно так, как это можно было предположить, до того момента, когда Жанна предложила, улыбаясь лукаво, подать записки с любыми вопросами о будущем милых мужчин. В зале зажгли свет, об'явили перерыв, и милые мужчины, вооружась автоматическими перьями и старательно прикрывая друг от друга блокнотные листки, поспешно стали строчить запросы о своей судьбе.

Записок Жанне Дюкло было подано около д в у х с о т. Она просмотрела их за кулисами, вышла затем, неся этот ворох человеческой глупости в руках, к рампе и... откровенно и весело расхохоталась в лицо настороженному залу.

— Боже мой, боже мой! — сказала она, акцентируя и пересыпая речь французскими словами:— но я же не могла предположить, что уважаемые граждане отнесутся серьезно к моей шутке! Прошу извинить меня, но я, ведь, только артистка, а не оракул. Мы все, люди своего времени, не верим, ведь, в чудеса? Не правда ли?

И она стала, пересыпая их остротами, оглашать записки людей с университетскими дипломами и значками в петлицах пиджаков. Боже мой, что это были за записки!

„Утвердят ли завтра мой технический проект в губинже?“, „Получу ли я спорную сумму за сверхурочные работы для Севкавторга?“, „Благополучно ли кончится операция для жены, находящейся сейчас в больнице?“, „Есть ли шансы пройти по конкурсу на должность главного врача в кисловодский санаторий?“, „На какие номера следует мне ставить в рулетке и лотто?“, „Коснется ли меня лично или семейных двадцатипроцентное сокращение аппарата?“, „Отчего я умру?“, „Сдам ли я университетскую дипломную работу во вторник?“.

— О, нет!— сказала Жанна:—вам еще надо поучиться в начальной школе, мсье!

В зале натянуто смеялись; лица у всех были красные и сконфуженные, и соседи старались не встречаться друг с другом глазами. Образованные, культурные и взрослые люди, естественники, доктора, строители, химики, математики, лаборанты из вузов, в сознании которых как-то ужились на ряду с точнейшими современными знаниями невежественные суеверия средних веков, — они чувствовали себя, как провинившиеся школьники под градом тонких насмешек издевавшейся над ними со сцены гастролирующей прорицательницы из парижского кабаре.

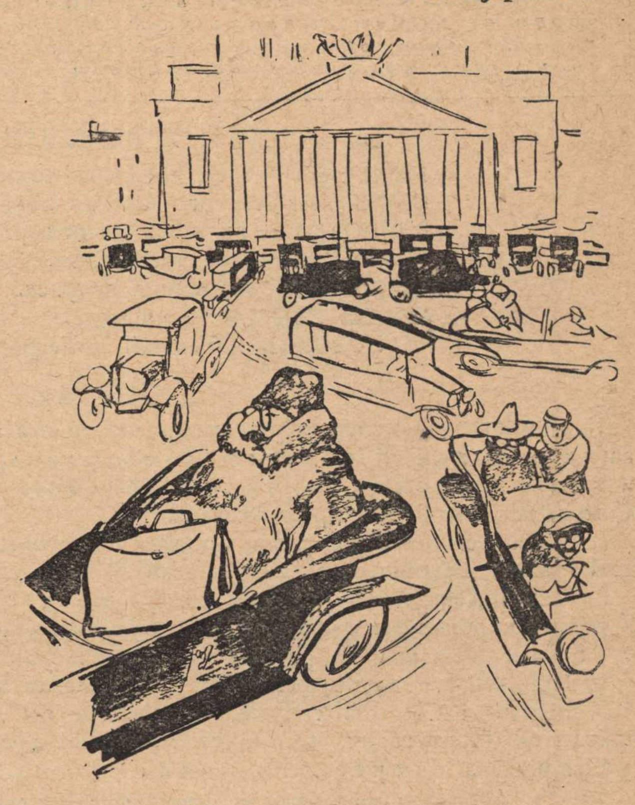
— Милые мужчины!— говорила Жанна, улыбаясь и прикладывая обе ладони к сердцу:— Я хочу только пообещать вам, что уничтожу эти записки и не покажу их ни вашим детям, ни вашим подчиненным. Вам не будет стыдно! Это самое большее, что я могу для вас сделать, право же!..

И она, смеясь, развела руками...

А. Зорич

ТЕАТРАЛЬНЫЕ РАЗ'ЕЗДЫ

Рис. Кукрыниксы

После премьеры.

После сотого представления.

ОБРАЗЦОВАЯ ПЬЕСА

Ниже мы предлагаем вниманию читателя образцовую пьесу, которая не может вызвать нареканий ни с чьей стороны, вполне современна, специально приготовлена для хвалебных рецензий, а также способна привлечь внимание зрителя разносторонностью сюжета.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НЕВЕРНОВ — спец до мозга костей.
СЕМИРАМИДА — его шестая жена.
ВЦИПОЧКА — их дочь от четвертого брака.
ФАКЕЛОВ — член профсоюза.
ДНИЩЕВА — эстрадная актриса.
СВЕРХПРИБЫЛЕВ — частник.
ЧЕРНОЗЕМОВ — бывший помещик.

ДЕЙСТВИЕ 1-е.

НЕВЕРНОВ. — Итак, я отказался от прежней идеологии (стреляет из дробовика в поясной портрет Чемберлена). С прошлым все порвано (бросает в камин 36 томов энциклопедического словаря и семейный альбом). Семья, как мы будем продолжать жить?

ВЦИПОЧКА. — Папа, папа, поступи в пионеры! Или с нами, или против нас. Выбора нет! Надень калоши, сядь на трамвай № 17 и запишись.

СЕМИРАМИДА (загадочно улыбается в форточку). — Я еще молода. У меня лакированные туфли. Я хочу еще наслаждений на своей жилплощади (отходит в угол и начинает разлагать семью).

НЕВЕРНОВ. — Семирамидочка! Не разлагай меня!

ВЦИПОЧКА. — Вы старые, затхлые и вы даже не знаете по политграмоте, где находится Португалия. О, дайте мне мою прозодежду, и я пойду навстречу эпохе! (уходит из отеческого дома).

(Невернов сморкается в чистый платок и седеет. Семирамида пишет развратное письмо).

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ 2-е.

ДНИЩЕВА. — Друзья! Давайте прожигать жизнь! Невернов, налейте холодного чая и нарежьте копченой колбасы! Закружимся в вихре наслаждений!

НЕВЕРНОВ (уже седой, дрожащими ногами танцует фокстрот). — О, дорогая. Все погибло. Нет культуры, аппаратуры, мануфактуры... Затоптаны заветы лучших приложений к „Ниве"...

СЕМИРАМИДА и СВЕРХПРИБЫЛЕВ — входят. (На ней одно перманентное декольте, у него на лице печать валюты). — Привет разложившимся!

НЕВЕРНОВ. — Семирамидочка! Вернись к родному домоуправлению. Я погибаю на своей одинокой спецставке!

СЕМИРАМИДА. — Все кончено! Шампанского, пива, сельтерской воды! (Истерически хохочет). Ха, ха!

ФАКЕЛОВ (входит, кладет около себя профсоюзную книжку. В жилетном кармане — цитаты). — И это на одиннадцатом году? Бесстыдные! Вы пали бездыханной жертвой в когтях нэпа! О, проклятье!

(На задней стене появляется тень Нэпа, хлопает себя короткими ручками по животу и исчезает, на ходу проглатывая шницель).

ЧЕРНОЗЕМОВ (бьет себя подсвечником в глаз). — Довольно! Я просветился. Попираю подметкой старое! Запишите меня в союз швейников — я хочу сшить трудовой иглой лучшее будущее!

СЕМИРАМИДА (бросаясь к Факелову). — Вот он! Вот кого я искала по всем справочным бюро и адресным столам целую жизнь! Возьми меня без остатка! Я твоя до мировой революции и даже дольше!

(Все уходят. Остается только Днищева разучивать новый цыганский романс для клубного вечера „Обойми меня, потом я тебя" и Невернов, который плачет и дрожащей рукой ловит окурок в пиве).

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ 3-е, с апофеозом.

На сцене палуба крейсера, бронепоезд, дни Турбиных, все полны яровой любви и ждут апофеоза, разгрома и разлома.

ФАКЕЛОВ (в лучах и на ходулях). — Граждане, все ли примкнули?

ВЦИПОЧКА. — Все, кроме Сверхприбылева. Мерзавец открыл лавочку и торгует не по норме. Кстати, Факелов, я вас люблю. Хотела ждать до апофеоза, но надо торопиться на трамвай.

ФАКЕЛОВ (вздыхает в записную книжку). — Увы, дорогой товарищ, у меня такая большая нагрузка, что я не могу ответить на вашу страсть!

ВЦИПОЧКА (внезапно разлагаясь). — Или нагрузка, или я! Или ведите в ЗАГС вашу нагрузку, или я уеду в жестком вагоне!

СЕМИРАМИДА (эластично стоя на руках). — Дочь моя! Сознательная малютка! Вернись в семью! Я спасла твоего отца и вырвала его из лап пошлости и мещанства в тот самый момент, когда он уже хотел итти на диспут о театре! Правда, он подписался на журнал „Искусство одеваться", но еще не поздно! Иди, мамочка!

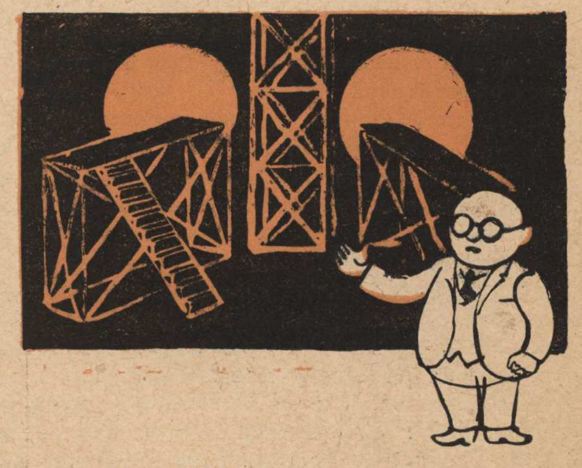
(Под пушечную канонаду семья возрождается. Факелов машет ручкой, вынимает из портфеля „Экономическую Жизнь" и читает доклад о новой женщине. Сверхприбылев повышает цены).

АПОФЕОЗ: Разложившиеся направо танцуют чарльстон, а остальные отошли налево и голосуют за устройство дачных поселков из фанеры. Жгут магний. Сцена вертится штопором. Контрамарочники плачут...

А. Братский

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЬЕСЫ

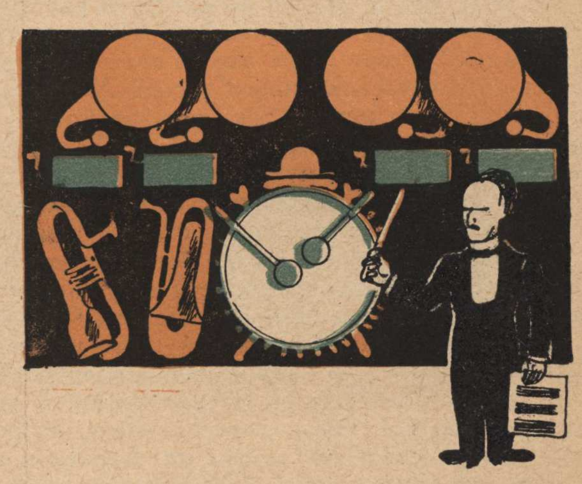
Рис. Н. Денисовского

Режиссер разрешил пьесу в таком плане.

Художник разрешил пьесу в таком плане.

Композитор разрешил пьесу в таком плане.

А художественный совет—не разрешил.

ТЕАТР В БЫТУ

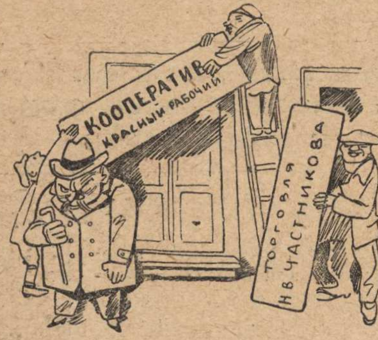
Рис. А. Радакова

Ждать платы
стало невтерпеж —
От управдома
взбучка, таска:
„Всех выселять
за неплатеж!“
Вот — превосходная
завязка!

Здесь хлесткий мат —
язык родной!
Здесь драки, ссоры —
неизменно!
И шум, и гром
стоит в пивной...
Ну, чем не
массовая сцена?

Унылый частник
морщит лоб,
Устав от хитрых
комбинаций.
Зарезал частника
кооп...
Вот —
перемена декораций!

— „Воришку не поймать —
позор!
С тобой разделаюсь,
скотина!“
Под занавеску
юркнул вор.
Вот вам —
под занавес картина!..

ТЕО-ПЕЙЗАЖ

Еще сверкает клин „Любовью Яровою“,
И „Красный Мак“ блестит, склоненный к ак-меже,
Но „Лес“ уж отшумел пожелклою листвою
На гриб едном рубеже.
Вот старый Мхат... В узорной хате Мхат'а
Клеть с „Синей птицею“ на створчатом окне...
Ненужным пламенем горит огонь „Заката“,
Гул „Бронепоезда“ тревожен в стороне.
Увы, нет тео-звезд (должно-быть, кризис сева)
В „Разломе“ там и здесь живые бьют ключи,
И тусклое пятно встает „Луною слева“,
И трюкает „Сверчок“ у Ака на печи.

М. Андр.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Первым пришел Чацкий.

Он походил по библиотеке, заглянул в биллиардную, с отвращением провел по пыльному креслу пальцем, сделал Петрушке строгий выговор с предупреждением и возле уборной, в темноте коридора, напоролся на Лизу. Лиза пыталась ускользнуть, но старый волокита Чацкий не дремал — он прижал Лизу к дверному косяку и быстро сделал ей нескромное предложение.

— Ах! — запищала Лиза и, пнув насильника кулачком в живот, скрылась в дамской уборной.

— Ну и девки теперь пошли! — хихикнул сластолюбивый Чацкий и покрутил головой.— Люблю на старости лет клубничку.

Гнусный старикашка сделал стойку и навалился на дверь дамской уборной. Дверь затрещала.

— Это нахальство, Александр Андреевич! — завизжала Лиза, изо всех сил сдерживая рвущуюся дверь.— Я буду жаловаться Молчалину.

В этот момент в коридор вошла Софья. Она с обожанием посмотрела на Чацкого. Он холодно отвернулся и вышел.

Постепенно стали собираться все персонажи.

Фамусов — горячий молодой человек — произнес страстную речь, направленную против Чацкого. Его деятельно поддержал милый голубоглазый юноша Скалозуб.

Заваривалась каша. Супруги Тугоуховские с грустью констатировали, что Чацкий не столько сумасшедший, сколько старый дурак и склочник, которого нужно срочно вымести железной метлой. Шестнадцатилетняя Хлестова под строжайшим секретом сообщила, что Чацкий не дает проходу Лизе и что Лиза собирается писать заявление.

— Это прямо-таки какая-то чубаровщина! — волновался работяга Загорецкий. — Мы должны сделать соответствующие оргвыводы.

— Просто гнать его в шею! — поддержал Репетилов.

Потом все набросились на Софью.

— Стыдись! — кричал Фамусов.— Своим отношением к этому примазавшемуся типу ты компрометируешь весь наш коллектив.

Софья захныкала.

— Ты!! — гремел Фамусов.— Я знаю почему ты кокетничаешь с ним. Ты хочешь получать первые роли. Знаем, знаем. Тебе Хлестову нужно играть, а не Софью, а Софью по праву должна играть Лизка. Стыдись, Сонька.

— А сам он хорош! — закричали все.— Сам взял себе Чацкого, а сам старый дурак еле-еле с Тугоуховским может справиться.

— Это, товарищи, нужно раз навсегда изжить, — сказал неожиданно появившийся Молчалин. — Мы, товарищи, должны этот, товарищи, вопрос подработать и заострить на, товарищи, правлении клуба. Мы, товарищи, должны практически поставить вопрос на его снятии с должности завклуба.

— Легко сказать,—уныло заметил маленький Скалозуб, — легко сказать,—снять с работы. У него в культотделе свой человек—инструкторша. Перекроют они нас, ребятки. Чувствую, что перекроют.

— Не дрефь, Скалозуб, не перекроют.

— Перекроют, ребята, ейбогу.

— А мы играть откажемся и дело с концом. Пусть старый дурак сам монологи со сцены читает.

— Верно, ребята. Откажемся. Как-раз и начинать пора. Идем разгримировываться.

Прозвучал третий звонок. У входа на сцену появился Чацкий. Он был бледен.

— Что ж это, ребятушки! — взмолился он. — Играть надо. Публика ждет.

— Я, наконец, требую. Завклуб я или не завклуб?

— Ладно, ладно. На общем собрании расскажем.

И кружковцы торжественно удалились.

— Ай-яй-яй! — простонал Чацкий. — Что станет говорить инструктор Марья Алексевна?!

Иностранец Федоров

СВЕЛИ НА НЕТ

Рис. Б. Ефимова

Пять лет он писал пьесу. Вышло здорово.
— С такой пьесой,— сказал он,— я переверну весь мир!

— Ничего-то оно ничего,— сказал режиссер,— только перемонтировать надо. Я вам помогу.
И стало два автора.

Потом выяснилось, что без музыканта (родич режиссера) пьеса не будет звучать.
И стало три автора.

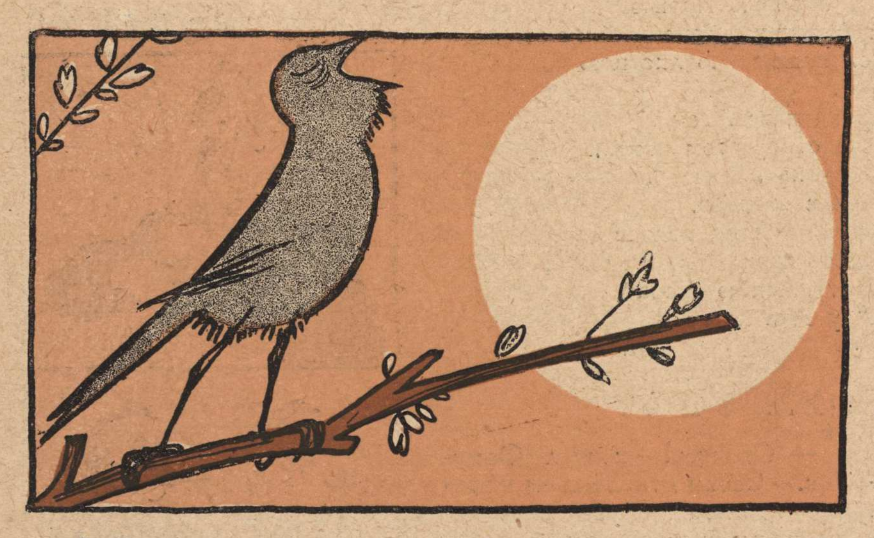
— С музыкой, конечно, крепче,— согласился директор,— однако, без утверждения мною протокола...
И стало четыре автора.

— Видите-ли, — заметил всеми уважаемый критик.— Пьеска ничего, но идеология какая-то сменовеховская...
И стало пять авторов.

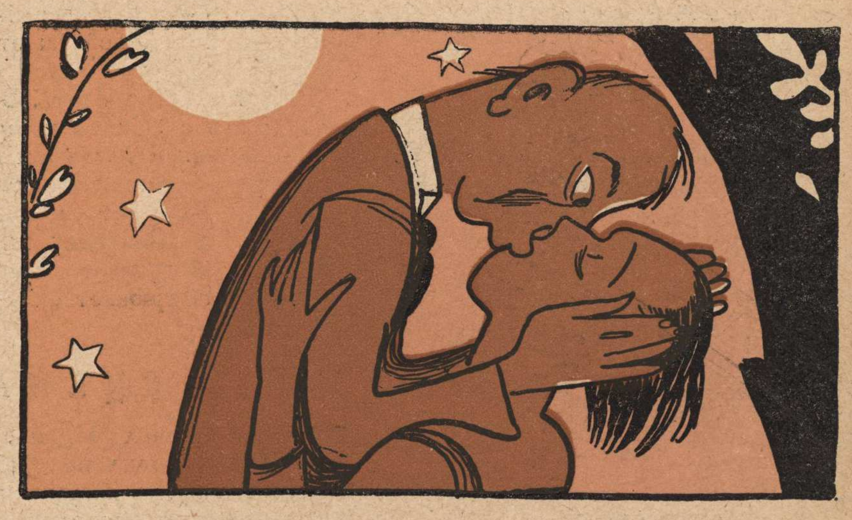
А на премьере...
— Куда прешь? Много вас тут авторов шляется!
И не стало автора...

Рис. К. Ротова.

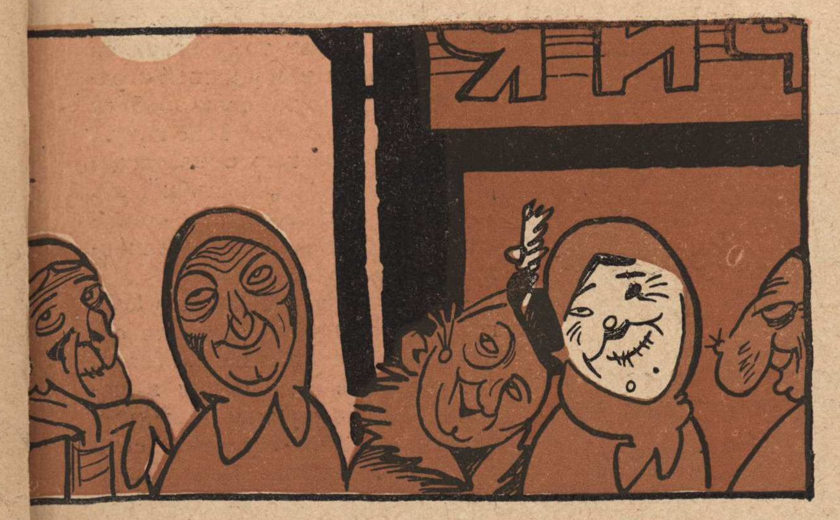
СОЛОВЕЙ-СОЛОВУШКА БЕДНАЯ ГОЛОВУШКА

1. Он пел среди весенних садов. И вся природа, изнемогая от сладких звуков, внимала ему.

2. Влюбленные, сливая в сладостном поцелуе свои губы, благословляли певца.

3. Старушки, ставшие в очередь за яйцами еще с вечера, мирились с ночной сыростью, и морщинистые их лица улыбались.

4. Чарующая трель чортовски музыкальной птицы заставляла многих забыть о завтрашней ревизии.

??? СПРАШИВАЙТЕ — БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ „СМЕХАЧА" — !!! ОТВЕЧАЕМ

№ 0 — МАЙ 19ОДА — № 20

ИСКУССТВО — ТРУДЯЩИМСЯ
(Идиллия)

В Москве раскрыта спекуляция театральными билетами в актеатры. В частности, в этом уличен Охматмлад.

В той комнате,
Куда не входят
„Без доклада",
Сидел агент —
Сотрудник Охматмлада.
Глядел в окно
Пылающий закат.
„Искусство — трудящимся" —
Достойно пел плакат.
Последний зайчик
По стене плясал...
Сотрудник встал
И робко дописал
Под бременем
Финансовых секретов: —
„А прибыль — всем
Трудящимся
По сбыту ак-билетов".

КИНО-ПОСЛОВИЦЫ

Искусство — кассам.
Театру время, кино — час.
Не в свое кресло не садись.
Кто на с'емке не бывал — тот и горя не видал.
Любишь киношку, люби и блошку.
Снявши фильм, по деньгам не плачут.

НЕЗАМЕНИМЫЙ

— Я исполняю все главные роли в этой пьесе: благоухание весны, шум прибоя, народное негодование и взрыв бомбы.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ БОС'а

Товарищ редактор!

Я, Гарри Пиль, узнав о том, что тов. Мейерхольд поставил пьесу „Горе уму", полную волнующих приключений, а именно: со стрельбой, с игрой на биллиарде, с хождением по кабакам и массой молчаливых и неизвестных молодых людей на сцене, обращаюсь через БОС с предложением выпустить и меня в некоторых д йствиях. Могу верхом промчаться по сцене, поймать арканом Скалозуба, а также выбить из пистолета (автоматического) два зуба Молчалину. Полагаю, что это внесет еще больше оживления в эту прелестную авантюрную пьесу двадцатых годов прошлого столетия.

Ваш Гарри Пиль. ХОЛИВУД. До востребования.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

„*Делу*" — время, а „Взятию Бастилии" — *час*.

* * *

За двумя „Сатирами" погонишься — ни одной не поймаешь.

* * *

„Сильва" не картошка, а пора выкинуть за окошко.

* * *

Наиманово брюхо к „Разлому" глухо.

КАК ПО НОТАМ

ДО — до этого он был безработным.
РЕ — решил стать композитором.
МИ — мигом поставил у себя радио.
ФА — фабриковал „по слуху" фокстроты.
СОЛЬ — *соль* была в получении авторских.
ЛЯ — Лялечке купил костюм.
СИ — *синий*.

Ходить каждый вечер на ет — не значит быть сторонникжен-ского движения.

ИСКАНИЯ МЕЙЕРХОЛЬДА

По слухам, Мейерхольд в порыве новых исканий хочет привлечь к работе несколько собак ищеек из Муура. Собаки ответили: „Служить рады, прислуживаться тошно!"

...ЕЛУ О ГОЛОСЕ

В „Известия... —цев совершенно справедливо замечает по поводу на...ат... ального быта:

Французск...ловица говорит, что чорт под старость становится ...м, а в оперных театрах артисты, теряя голос, станов...ежиссерами.

По этому ... рассказывают, что когда одного такого режиссера сп...

— Почему ... не слышно вашего голоса в месткоме?

Он удивлен...тил:

— Как же ...бы режиссером, если бы у меня был голос?

„НА ВСЕ РУКИ"

— Верно ли пишут газеты, что от поступающих в оперетку певцов будут требовать умения танцовать, а от балетных артистов — умения петь?

— Верно:

Певцам придется танцовать,
Танцоры будут подпевать,
А зритель, коль не гоже,
Завоет волком тоже!..

АК — АРИ...ИКА

ГАБТ'у слишк...ня лет,
С балериной —и...
Потому то ак...
Топчется на и...

МАЛ БИЛЕТИК, ДА ДОРОГ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ МЫСЛИ

— Лозунг „Искусство трудящимся" — не полон: отсутствует слово „недосту но".

— Самые большие подхалимы — балерины: они ходят перед публикой на цыпочках.

— Все оперы звучные. Созвучных опер — нет.

— Легче поднять занавес, чем сборы.

Не спрашивай модного режиссера: — Зачем вам столько люков на сцене? Не спрашивай, ибо ответ известен: — Для провала!

— И живую газету можно похоронить!

— Для того, чтобы продвинуться в балете, актрисе нужны не только нога, но и верная рука.

— В некоторых театрах среди публики больше из ряда вон выходящих людей, чем среди талантов на сцене.

— Контрамарка — это единственная контра, которую трудно изжить в нашей стране.

ТЕА — ПРЕСТУПНИЦЫ

Три девушки, изобличенные в том, что будучи родственницами суфлера, случайно купили билеты на премьеру.

КИНО-ЦЕНИТЕЛИ

— Вы видели „Конец Санкт-Петербурга"?

— Нет: я ушел с самого начала.

ПР-РАВИЛЬНО, ГРУЗДЕВ!

Рабис вошел с ходатайством в Облисполком о дополнительной жилплощади для дирижеров, балетмейстеров, оркестрантов и пр.

„Кр. Газета" № 75.

В вашем творческом масштабе-с,
Расширяйтесь, милый Рабис,
Пусть доставит срочно почта
Вам наш пламенный привет.
Ваши требованья ясны.
Мы не против. Мы согласны.
Потому что... оттого что...
Все равно... квартирок нет!

ИЗ ТЕАТРАЛЬНОЙ ХРОНИКИ

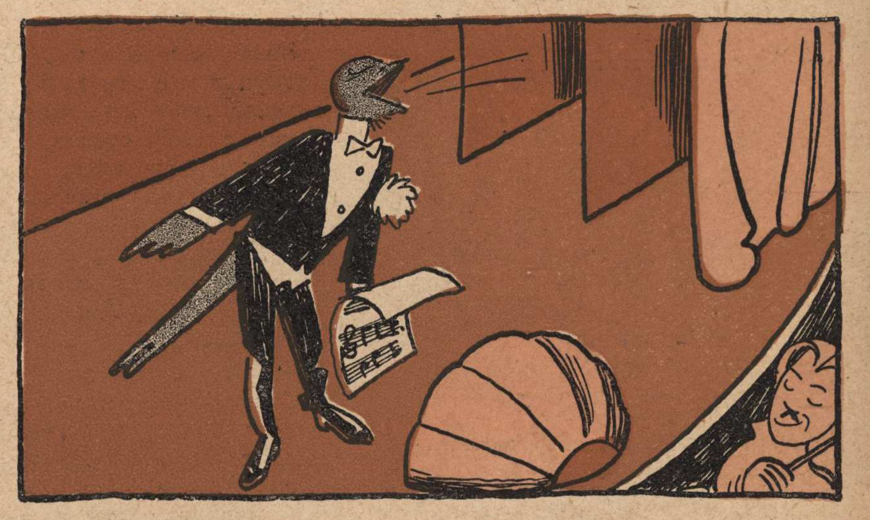
Вл. Катаев после „Квадратуры круга" пишет фарс „Бином Ньютона" и водевиль „Дифференциальные и интегральные исчисления".

АВТОРА ВЫЗЫВАЮТ НЕ ТОЛЬКО В ТЕАТРЕ, НО И В ФИНОТДЕЛ

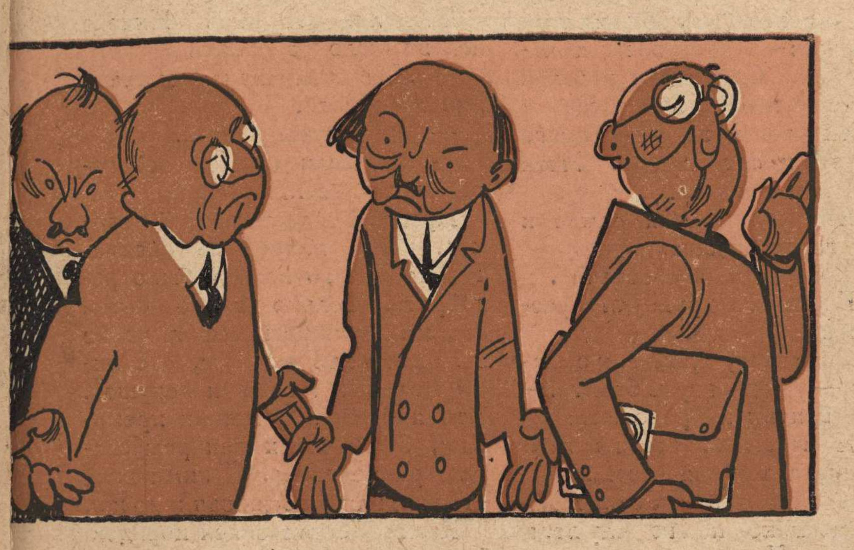
СПЕКТАКЛИ ДЛЯ ПРОФОРГАНИЗАЦИЙ

Для швейников — „Желтая кофта".
Для строителей — „Зойкина квартира".
Для водников — „Лебединое озеро".
Для желдорожников — „Бронепоезд".
Для домработниц — „Слуга двух господ".
Для нарпита — „Воздушный пирог".

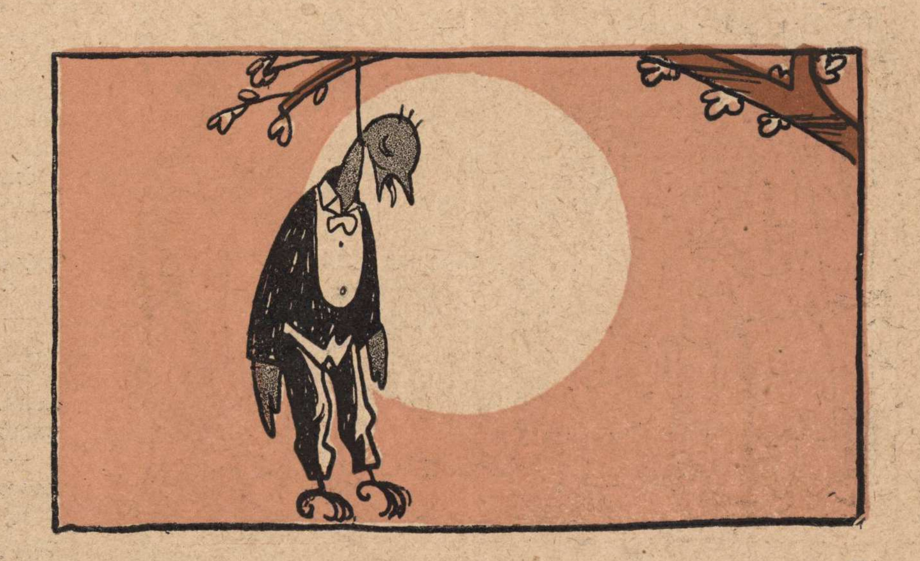
5. Пресса, заслушав талантливое пернатое, заострила вопрос о заслушании такового на конкурсе Большого театра.

6 И птица запела на подмостках. Еще никогда не испытывала она столь высокого вдохновения. Суфлер от волнения не мог подавать реплики. Даже суровые барышники плакали навзрыд.

7. — „Гм..." — сказала комиссия, — природные данные, конечно, имеются, а главное — молод и ни малейшей протекции". И...

8. ... скончал певец!

КОНТРАМАРКА

Следующий! Вы от кого?

— Вашу мамашу в запрошлом году хоронили мы. Из погребальной конторы „В здоровом теле здоровый дух“. Контрамарочку?

— Получайте. Следующий!

— От Анатоль Васильевича записка.

— Пожалуйте, очень рады. Милости просим. Всегда готовы. Дальше?

— У нас завсегда папиросы актеры покупают в долг. Два пропуска прошу!

— О, господи. Вы?

— Из редакции „Скорняк-кооператор“. Заводим театральный обзор.

— Два на свободные получайте. Следую...

— От Анатоль Васильевича записочка.

— Ага!..

— Из милиции! Из розыска! От железнодорожного ТПО!

— Пишите все, Михаил Павлович, пишите, в театре каждая сошка напортить может. Следующий!

— От Анны Марковны.

— Ага! Готово.

— Из журнала „Охотничья жизнь“.

— Из редакции! Из редакции! Еще из редакции! Из зоологического сада! Из артели парикмахеров! Из редакции! Из соседней пивной! Из бюро по переписке! От приехавшей в Москву из Дюшамбэ экскурсии

— Еще из редакции!

— Чорт знает, сколько редакций и все интересуются театром. Вот вы, например, гражданка, вы из какой редакции?

— Я... Не... Там написано... Мне знакомый дал, через тетю Веру, у которой корректор обедает...

— Вам чего, бабушка?

— А что выдают-то? Вижу очередь,— стала. Что дашь, батюшка, ни от чего не откажусь.

— Из крематория. Две контрамарки если можно...

Борис Ф.

РАЗДУМЬЕ ПЕРЕД КАССОЙ

Рис. Б. М.

— Наш театр точно какое-то необыкновенное животное: у него хвост не на месте.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Режиссер Архипелагов был талантлив. Это даже признавали его враги. Но у режиссера Архипелагова был маленький недостаток—премьерша труппы обыкновенно была и его женой.

И так как всегда наступал тот период, по которому, согласно ст. 132 код. зак. о труде, премьерше полагался 4-х месячный отпуск по беременности и так как ни один театр в мире не может обойтись без премьерши, то у талантливого режиссера каждый год появлялась новая жена. Об этом все знали. Об этом говорили — мужчины с завистью, женщины с негодованием...

* * *

Тридцатилетний юбилей режиссерской деятельности Архипелагова был назначен на 22-е мая. К этому дню еще задолго готовились общественные и театральные организации — критики писали статьи, фотографы проявляли снимки: „Архипелагов и его любимая собака“, „Архипелагов у себя на даче кушает мороженое.“ В день юбилея на обложках всех театральных журналов был напечатан портрет знаменитого юбиляра, в журналах и газетах все статьи об Архипелагове заканчивались: „Пожелаем дальнейшей плодотворной деятельности нашему дорогому юбиляру“.

А вечером в театре, ровно в 8 ч. 30 м., когда появился седой, низкорослый Архипелагов, он был встречен пальбой аплодисментов и криками „ура“. Играл оркестр. Бил барабан. Аплодисменты все усиливались и усиливались. Архипелагов, чуть-чуть улыбаясь, кланялся на восток и на запад.

Когда все стихло, председательствующий, который сидел за длинным столом, накрытым красной скатертью, об'явил торжественно: — Приступаем к чествованию. Слово для краткой характеристики творчества и пройденного пути уважаемого юбиляра имеет критик Иван Семенович Гнездов.

Критик подошел к рампе и тихим голосом начал:

— Товарищи, я счастлив...

— Гром-че!— крикнули с разных мест.

— Я не могу громче, к сожалению,— у меня горло болит...— сказал критик и продолжал:

— Я счастлив, что на мою долю выпала такая честь...

К критику публика отнеслась недружелюбно и его слушали неохотно. И, должно быть, он почувствовал это сам, т. к. говорил как можно быстрей, чтобы скорее кончить:

— На моих глазах росла режиссерская деятельность Платона Николаевича. Помню, ровно тридцать лет тому назад, он подарил всем нам и нашей стране изумительную свою работу „Гамлет“, это было в 1898 году... Затем идут блестящие спектакли: „Гроза“, „Лес“, „Трильби“, а в 1904 году он дарит нам совершенно изумительную постановку — „Отелло“...

— Вовсе не в 1904, а в 1902 году,—неожиданно раздался с 7 ряда партера старушечий голос.

Публика в недоумении зашевелилась. Пожарники в медных касках нервно теребили свои топорики. Критик пожал плечами и хотел продолжать дальше, как ни в чем не бывало, и даже сказал уже:

— После 1904, когда спектакль „Отелло“...

На этот раз мужской голос перебил его: — И не 1902 и не 1904, а 1903 — это уж я, наверно, знаю, покойная маменька мне говорила. А если не верите, можете посмотреть мой учетный воинский билет...

— И если уж на то пошло, так я вам должна заявить,— закричала истеричным голосом какая-то женщина из ложи бельэтажа.— И вы, и вы неправы: в 1908 году, когда я была премьерша, и еще у меня тогда родилась... Валя, встань.— И рядом с ней поднялась еще какая-то женщина.

Среди публики начался шум. Председательствующий звонил. Критик возмущенно пожимал плечами. Пожарники нервно хватались за свои топорики. Слышно было, как три женщины, стараясь друг друга перекричать, визжали:

— Я уверена, что это был 1910 год,— ведь я тогда была премьерша.

— Вовсе не десятый, а седьмой, и не вы были премьершей, а я...

— Зачем вы врете, вот ведь по метрике моего сына можно установить точно.

Шумели. Стучали. Ничего нельзя было разобрать.

— Моя покойная маменька мне говорила...

— Да что вы врете...

— Вы были премьершей гораздо позднее...

Председательствующий звонил. Из-за шума уже окончательно ничего нельзя было разобрать. Только видно было, как милиционеры выводили из зала каких-то женщин, а с ними молодых людей и девушек. Это и были 30 бывших премьерш, 30 бывших жен режиссера Архипелагова. С ними вместе уходили их сыновья и дочки.

Когда восстановился порядок, критик продолжал свою речь о плодотворной деятельности дорогого юбиляра.

Б. Левин

Рис. Б. Малаховского

В г. Ливнах (17.000 населения) в течение сезона было выдано 18.000 контрамарок.

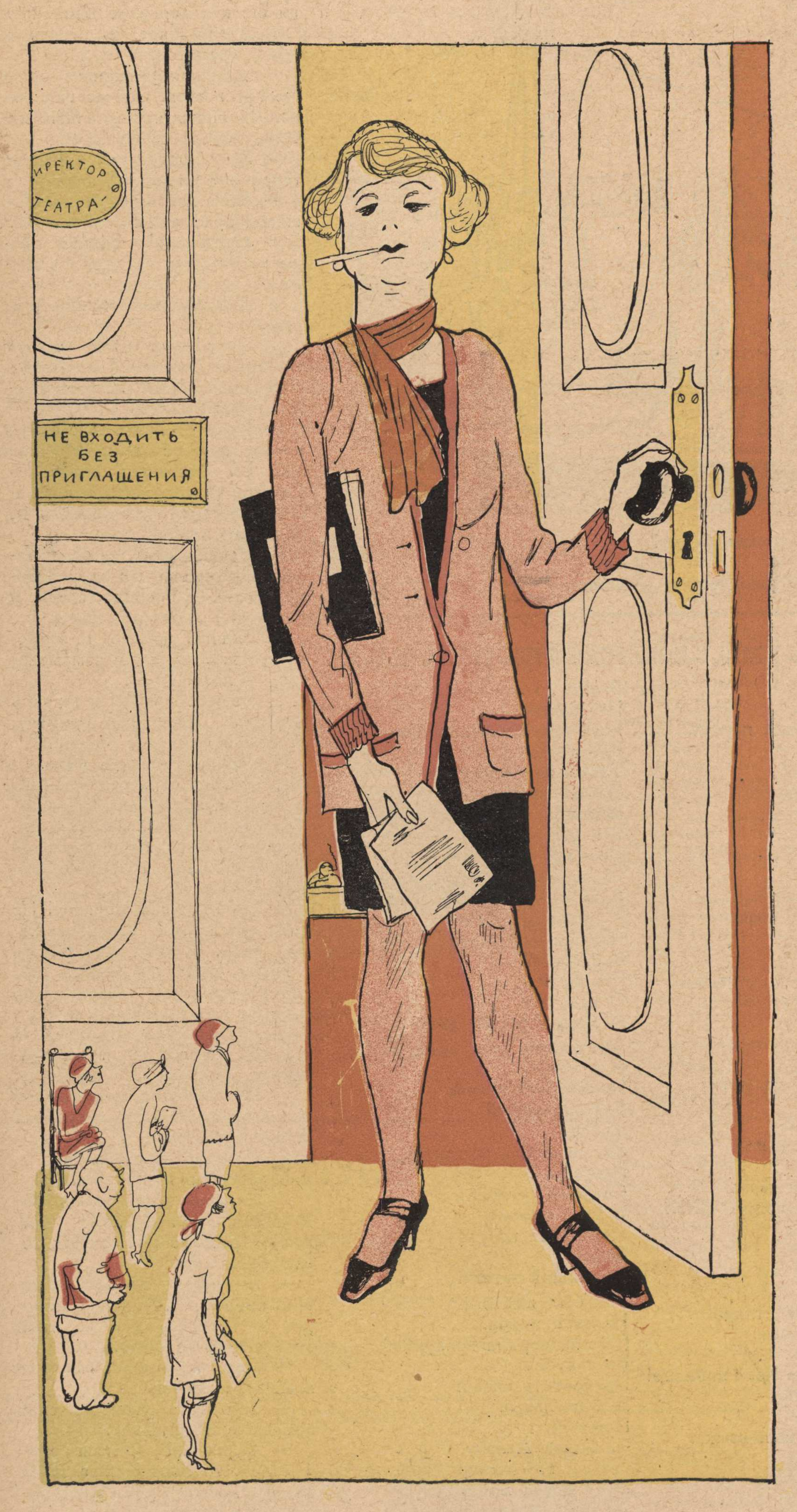

Директор: — Мы, конечно, очень признательны, но разрешите узнать, что побудило вас купить билет?

Зритель: — Я, знаете ли, человек приезжий и не знал ваших обычаев.

НАИВЫСШИЙ ПОСТ

Рис. В. Козлинского

— Смотрите,— она входит в кабинет, как сам директор!

— Ну так что же? Она же больше, чем директор в нашем театре: она — жена директора!

БРАТИШКИН ПОЛУЧАЕТ „ЗАСЛУЖЕННОГО“

1

Прямо даже замечательно —
До чего Москва старательна:
Все проулочки — мощеные,
Все артисты — заслуженные!
Их пекут в любом проулочке
Ежедневно, словно булочки!

2

Узнав все это, напоследок,
Братишкин стал и молвил эдак:
— „Почет — невредная вещица!
Центрпосредрабисом клянусь,
Кольвсеуспели „заслужиться“,—
Пойду и тоже „заслужусь“!

3

В этом деле — первым делом:
Надо радостно и смело
Пригласить весь белый свет
В „Юбилейный Комитет“!

4

СССР весь на афише
Юбилейно поместивши,
Можно некоторых лиц
Взять еще из-за границ!
Из Нью-Иорка! Из Берлина!
Из Парижа! Из Пекина!
Из Палермо! Из Цейлона!
Из Бомбея! Из Бостона!
Из Тибета! Из Канады!
Из Монако! Из Гренады!
Из Японии! Из Польши!
Главным образом, чтоб—больше!“

5

И, исполнив всю программу,
Мчит Братишкин в Рабис прямо
С комитетом во весь мах —
На восьми грузовиках!

6

— Здрасте!—„Здрасте!“— Я —
Братишкин!
— У меня есть к вам делишки!
— Прямо, братцы, помираю —
— Заслуженным быть желаю!

7

— „Заслуженного“ хотите?
— Да пожалуйста! Берите!
— Жалко, что ли?!—Эй, скорей
Едем все на юбилей!

8

Но тут выскочил один
Нетактичный гражданин
И Братишкину поднес —
Хитроумнейший вопрос:
— „Сколько вы на сцене лет,
Если это — не секрет?“.

9

Окружили тут его все!..
И Братишкин дал отчет:
— Я на сцене не был вовсе!
— Собираюсь только вот!..
— Пусть я молод! Ну, так что же?
— Эдак, лет чрез 25
— Вам придется все равно же
— „Заслуженного“ мне дать!
Дайте же, без волокиты,
Наперед! И — будем квиты!

10

Кончил речь свою Братишкин
И подумал сразу тут:
— Крышка! Амба! Не дадут!
И задумался в печали...

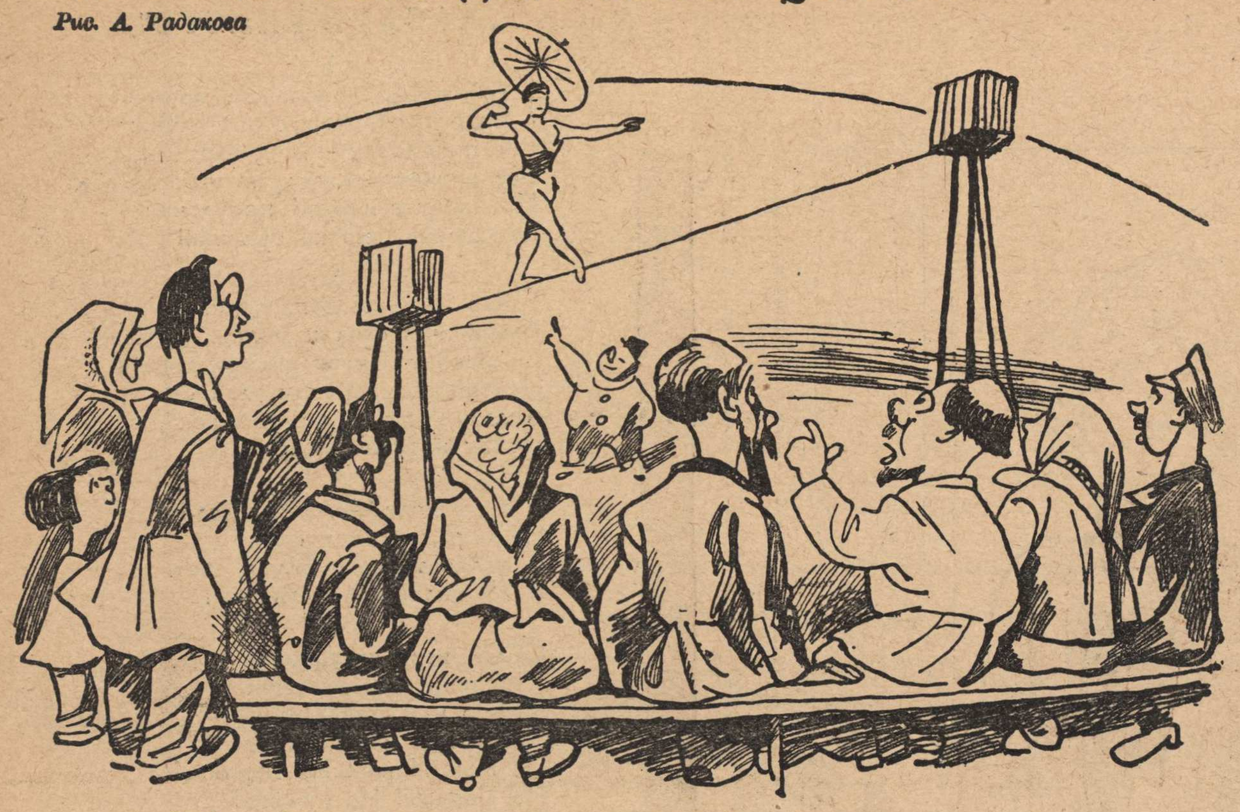
11

— Вы слыхали
О финале?
— Дали!

Н. Агнивцев

В ПЕРЕДВИЖНОМ ЦИРКЕ

Рис. А. Радакова

— Пойдем, Митрич, сено убирать — дождь будет!
— А ты почем знаешь?
— Не видишь, что ли, — гражданка уже зонтик раскрыла!

„КОТОРЫЙ ИЗ ДВУХ“, ИЛИ „ВСТРЕЧА В КИНО С СОВЕТСКИМ ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ“.

I.

Выключен свет...
И пошла колесом
Лента во весь опор...
Раз:
Изобрел инженер Нильсон
Какой-то полезный прибор.
Два:
Прибор этот
Хочет купить
Одна из соседних стран...
— Нелли, прощай!
Не забудь любить!..
(Нелли — во весь экран)
Черные глазки. Они тают
Милой наивности свет...
— Фредди, прощай!
Я вся — твоя,
Если продашь проект!...
Три:
Проект этот
Должен украсть
Вместе с наивностью сей —
Дико ворвавшийся
В первую часть
Некий злодей — Джерсей...

II.

В Гамбурге ждет
Фабрикант Говард
И ассистент Вермэль...
И —
Потянулась
Из кадра в кадр
На семь частей канитель.
Дебри, моря
И простор голубой —
Все притянул режиссер —
Все — на борьбу
За святую любовь
И за полезный прибор...
Шум в министерствах.
В газетах — шум.
Сыщиков шлет префект.
— Что тут такое:
Берут Эрзерум?
— Нет, добывают проект!
Замер балкон.
Ожидая, дрожит.
Гудом гудит партер:
— Он победит!
— Он победит, —
Тот молодой инженер.
Тут я закрыл
На минуту глаза:
К выходу сел в анфас
И потихоньку
Соседу сказал:
— Вот бы такое... у нас!
— Что ты, приятель! —
Сосед — в ответ:
Да не с ума-ль сошел?
Я вот
Назад тому восемь лет
Тоже
Прибор изобрел.
С ним и носился я
Впопыхах
Прежде на всех парах.
Был он — в комиссиях СНХ,
Был и в других
Местах.
Всюду одобрен был
Мой проект.
Есть документы — гляди!
Кто-то сказал даже:
— Се че-ло-век.
С ним, мол, Нью-Иорк победим!
Это, так сказать, —
Первая часть —
В переводе на кино-язык...
Дальше —
Должен сюжет попасть
В хитрую сеть интриг...

III.

Увы, не таков
Это был сюжет,
Чтобы ускорить шаг.
В нем до сих пор
Нзрастанья нет!
Есть нарастанье... бумаг.
Действием
Также не блещет он,
Даже — наоборот —
Мирно в комиссиях погребен
Вот уж
Который год...
И не разыщет его злодей,
Будь он — хоть сам Джерсей
В путаных волнах
Чернильных морей,
В сутолоке
Подписей.
О развязке
И думать забыл давно.
Вот потому, как „спец“,
Я и хожу
Посмотреть в кино
Благополучный
Конец...
Зал зашумел, зашептал, —
Вздохнул
Сотнями грудей:
В этот момент
На экране тонул
В море
Уплывший злодей.
Так был жестоко
Наказан порок.
(Нелли, сердца волнуй!)
Вышла она
Превратить эпилог
В длительный
Поцелуй.
— Слава Аллаху, —
Сказал я, — конец!
Ну и сосед мой рад:
— Видели здесь вот,
Наивный юнец,
Был
Хоть один
Бюрократ?!

Ал. Жаров

КУЛИСЫ

Помреж стоял за кулисами с замусоленной толстой тетрадкой в руках. Время от времени он, как дирижер, взмахивал тетрадкой и шипел на стоявших возле артистов.

— Донецкий! — шипел он. — Приготовьтесь. Сейчас ваш выход. Помните, что вы ничего небоящийся террорист Сажин!

— Вакуум, вакууум... — шептал террорист Сажин (Донецкий).

— Чего вы там бормочете? — шипел помреж. — Какой вакуум?

— Отстаньте!.. Вакуум, вакуум. Это моя всегдашняя примета.

— Выхххход!! — прошипел помреж.

— Знаю! — спокойно сказал террорист Сажин (Донецкий) и с гордо поднятой головой твердым шагом вышел на сцену.

— Меллер - Закомельская! — шипел дальше помреж. — Где вы? Вы — активная работница Свиридова, выходите с возгласом: „Не надо нам монахов, не надо нам попов!“

— Знаю, знаю, — отмахивалась Свиридова (Меллер-Закомельская). — „Господи, спаси и помилуй“, „Господи, спаси...“

— Значит, громче и торжественней: „Не надо нам монахов, не надо...“

— Не перебивайте меня, ради Христа!... Еще раз примечу: „Спаси и помилуй, господи!“

И, перекрестившись семь (!) раз, оправив красную косынку на голове, выскочила на сцену. Через секунду послышался ясный торжественный голос активной работницы Свиридовой (Меллер-Закомельской):

— Не надо нам монахов! Не надо нам попов! Товарищ Сажин, ведь, религия есть опиум!

После спектакля актеры разгримировывались. Парикмахер собирал парики, бороды и усы в корзину. Помреж подошел к трагику Северцову и одобрительно похлопал его по плечу.

— Ну, батенька, поздравляю! Как вы здорово этого смертника Лунцева сыграли!

— Истинно замечательно! — пристегнулся и парикмахер.

— Сегодня замечательно, замечательно! — продолжал помреж, — третьего дня похуже, послабже малость!

— Я думаю! — пробасил бывший смертник Лунцев (Северцов). — Третьего дня со мной этой штуки не было.

И вынул из кармана какой-то красный камешек.

— Чего это? — разом спросили помреж и парикмахер.

— Сургучак! Фетиш мой! Третьего-то дня забыл его дома, да еще кошка черная улицу перебежала тогда!

И аккуратно спрятал во внутренний карман огрызок этого грязного сургуча...

Вл. Тоболяков

ЖИЗНЬ БЕЗ АПЛОДИСМЕНТОВ

Павел Николаевич Хаустов играл очень маленькую роль в учреждении „Хлопторг“. От 9 до 4 часов ежедневно он выступал там по восьмому разряду.

Каждое утро, когда Хаустов зашнуровывал ботинки, он говорил сам себе:—„Действие первое“.

Умывался, кипятил чай на примусе. Завтракал. И, вешая большой замок на дверь своей комнаты, шептал: — „Антракт“.

В раздевальне „Хлопторга“, когда он получал жестяной номерок, он говорил: — „Действие второе“.

Он садился за стол, где напротив сидел счетовод Мимоходов и начинал писать бесконечные цифры. Курил. Бегал к бухгалтеру и вновь писал и писал. Ровно в четыре он прятал свои книжки и, произнеся— „Антракт“, уходил домой.

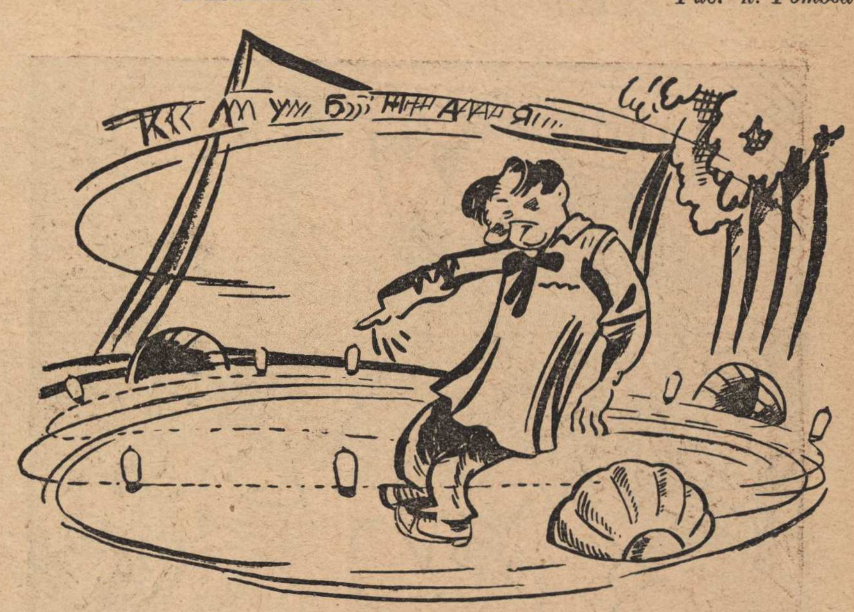
„Действие третье“— говорил он, когда заказывал обед в столовой. После обеда он шел к Мимоходову, и там они вчетвером играли до одури в „козла“. Играли молча, и замусоленные карты шлепались по столу, как далекие аплодисменты. Часы били одиннадцать, и Хаустов, зевая, об‘являл: „Давайте сделаем до завтра маленький антракт“.

Дома он ел краковскую колбасу с горчицей. Ужинал. Тушил свет. А когда ложился в кровать и натягивал на себя коричневое байковое одеяло, он шептал сам себе: — „Занавес медленно падает“ и засыпал.

Б. Л.

ТЕХНИКА И ЖИЗНЬ

Рис. К. Ротова

ПЬЯНЫЙ ЗАВКЛУБОМ:—Как быстро движется вперед техника! Оглянуться не успел, а уже вращающаяся сцена появилась!

ПОДАРОК МОЛОДЫМ ДРАМАТУРГАМ

РЕВДРАМА

Берется одна часть обыкновенной драмы, пять метров кумача, один стопроцентный коммунист, один полуразложившийся, один совсем разложившийся, один полуоторвавшийся от масс, один вовсе оторвавшийся, одна бывшая княгиня, симулирующая коммунистическую идеологию, одна бывшая, хорошо вычищенная при помощи КК, партийка, симулирующая аристократку, два (для двух кулис) откоса для пушечных выстрелов, ящик с палочкой для пулеметных выстрелов, флакон красных чернил и три речи-агитки. Любовь. Долг.

Все смешивается, взбалтывается, размазывается на листы, переписывается на машинке и... готово. Подавать в подогретом на газетном огне виде. Хорошо добавить пение „Интернационала“.

РЕВБАЛЕТ

Приготовление весьма просто: берется что-нибудь старое и переименовывается. Например, „Умирающий лебедь“ переименовывается в „Умирающего на баррикадах красного лебедя“. Хорошо дать лебедю в руку красный флаг с лозунгом „Все на улицу“, „Единым фронтом на перевыборы Правления ЖАКТ‘а“.

* * *

Можно взять не только балетный номер, но и целый балет. Например: „Спящая красавица“—„Несознательная красавица“. „Раймонда“ — „Монда“ (Рай выкидывается, как „опиум для народа“).

Составил:

Исидор Гуревич

РЫБА ГНИЕТ С ГОЛОВЫ, А БОЛЬШОЙ АК-ТЕАТР — С ГОЛОВАНОВА!

СМЕХАЧИНА № 8

1. Почему критики сердятся?
2. Кто не получает контрамарки?
3. Зачем ставят?
4. Почему не ходят?
5. Что делает в театре зритель, когда он не спит?

НАИБОЛЕЕ ОСТРОУМНЫЕ ОТВЕТЫ И ИМЕНА АВТОРОВ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ.

ИЗ КОПИЛКИ КУРЬЕЗОВ

АФИША В СОЧИ

Босоножка Селенэ ставит на сцене гениальную индивидуальность. Красота движений жест и поза, грациозность, музыкальная ритмическая гармония играет огромную роль. Те, которые видели АйседоруДункан, свидетельствуют, что Селенэ, под взглядом богатства средств интерпретации, стоит несравненно выше. Сила мимической экспрессии — есть попросту неслыханная. Поразительная пластика красоты рук, ритмическая гармония и грациозность дает общую красоту сказочно - фантастической картины.

ОБ‘ЯВЛЕНИЕ, РАЗОСЛАННОЕ ПО ТЕАТРАМ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Чрезвычайно важно для артистов, суфлеров и всех членов Рабиса!

Японский порошок „Католь“ бесследно убивает клопов, тараканов, вшей, мух, моли, блох и, вообще, всех без исключения насекомых.

Порошок „Католь“ изготовляется из найлучшей комбинации противонасекомых цветов „Кризантем“ и убедительно и абсолютно безвреден для человеческого организация, а также для скотов.

Порошок „Католь“ имеет в себе удивительную силу для истребления всяких злейших врагов человека и меховых и суконных вещей, как вышесказанные насекомые.

Порошок „Католь“ широко распространяется повсюду во всяком мире и употребляется в вышесказанной цели в чрезмерном количестве.

„КАРМЕН“ В ПЕРМИ

Программа Пермского городского театра. 28 год. Директор С. Н. Кель.

Из либретто:

„Тщеславная повесть Тореадора... Кармен повергает его своей пляской в сладострастное оцепенение. Хозе, бесильная жертва страсти, становится контрабандистом“.

Не лучше и рецензия в местной газете об опере „Самсон и Далила“:

„Сильный и глупый избранник божий“ Самсон и коварная красавица Далила“.

Оркестр под руководством Грубина очень умело провел свою интересную партию.

ТЕА-НЕОЖИДАННОСТИ

Всякое культурное нововведение следует приветствовать, но необходимо доводить его до конца.

Как сообщают театральные журналы, во всех театрах УМЗП вводятся специальные ящики для записок зрителей.

Этим опытным мероприятием УМЗП преследует цель—учет непосредственного впечатления зрителей по каждому спектаклю.

На всякий случай над этими ящиками следует повесить плакат:

— «Посетителей просят не выражаться».

Издатель — „ГУДОК“. Адрес редакции — Москва, Тверская 28. Отв. редактор – И. Н. Пирогов.

Главлит № 13.034. Отпеч. в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский, 13. Тираж 110.000.

ЖИТЕЙСКИЕ ДРАМЫ

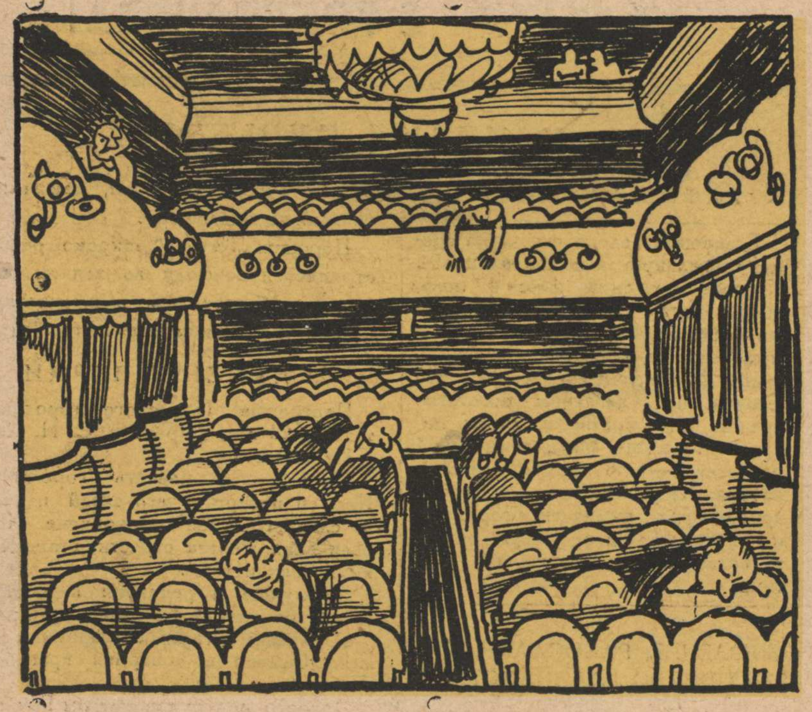
Рис. К. Ротова

„Сорочинская ярмарка".

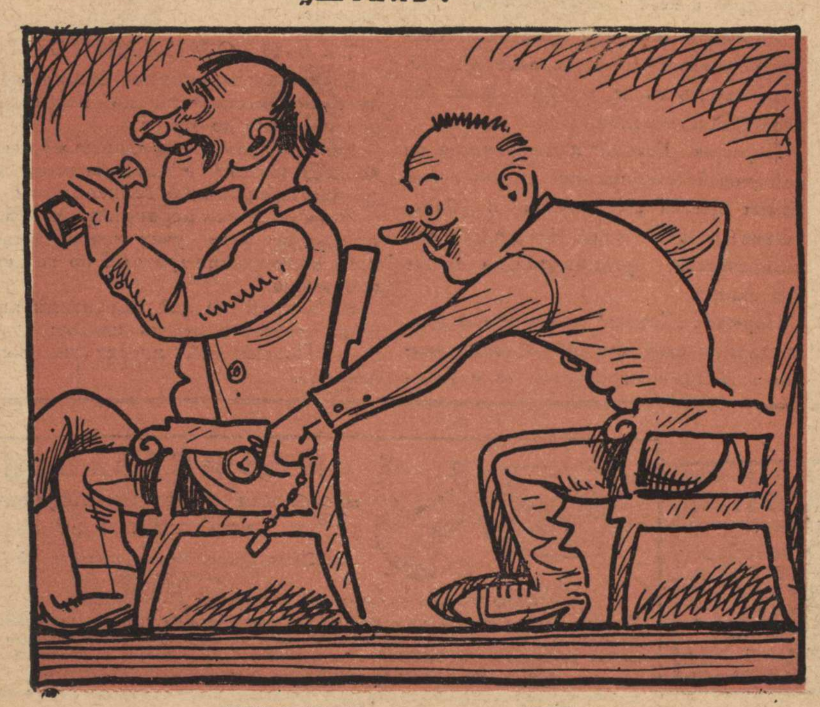
„Волчья стая".

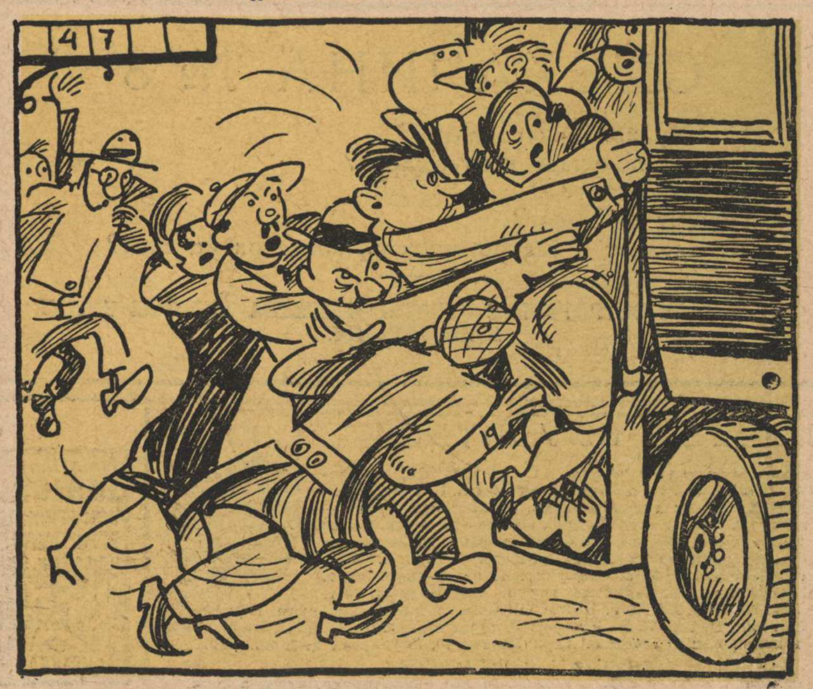
„Штиль".

„Битва жизни".

„Вредный элемент".

„Шторм"